

Фото с сайта www.peterburg.biz

«Город погребённый» Владимира Набокова

В преддверии Дня Санкт-Петербурга наши корреспонденты прогулялись по городу и побывали в местах, связанных с жизнью и творчеством Владимира Набокова, детство которого прошло в Петербурге.

«Колыбель качается над бездной» — так жутковато-поэтично охарактеризовал Набоков зыбкое состояние детства. Или, может быть, воспоминания о детстве. Зрелая жизнь его прошла в метаниях над бездной за рубежом, на «чужих берегах». Без своего дома, без какого-либо якоря — кроме памяти.

Нам, здешним, по какой-то прихоти судьбы досталась возможность ощущать и видеть то, чего он был лишен.

«ИЗ СМЕХОТВОРНОЙ ДАЛИ»

Впрочем, место первого осознания себя утрачено нами в той же безвозвратной степени. Речь идет об уничтоженной усадьбе Выре.

В «Других берегах» есть воспоминание о Выре: «Двадцатисемилетнее, в чем-то бело-розовом и мягком, создание, владеющее моей левой рукой, — моя мать, а создание тридцатитрехлетнее, в бело-золотом и твердом, держащее меня за правую руку, — отец. Они шли, и между ними шел я, то упрugo семеня, то переступая с подковки на подковку солнца, и опять семеня, посреди дорожки, в которой теперь из смехотворной дали узнаю одну из аллей, — длинную, прямую, обсаженную дубками, — прорезавших «новую» часть огромного парка в нашем петербургском имении».

Кстати, и будущие родители Владимира Набокова познакомились во время велосипедных прогулок на дороге в Выру.

Вырская мыза в 1896 году стала приданым Елене Ивановне Рукавишниковой, выходящей замуж за соседа Владимира Дмитриевича Набокова.

Соседнее Батово принадлежало Набоковым издавна.

Другое ближайшее имение, Рождествено (и миллионное наследство), Володя получает от своего дяди со стороны матери Василия Рукавишникова, большую часть времени жившего в Италии и умершего там в 1916 году.

В это время будущий писатель учился в Тенишевском училище в Петербурге. В

том же году Набоков издал свой первый поэтический сборник под названием «Стихи». 500 экземпляров напечатали в издательстве «Унион» в Большом Казачьем переулке, 11.

В этот период Володя выглядел веселым юношей, производящим, по воспоминаниям Зинаиды Шаховской, впечатление своим «шармом» и «необыкновенной чувствительностью». Сам Набоков стихов из сборника впоследствии никогда не переиздавал.

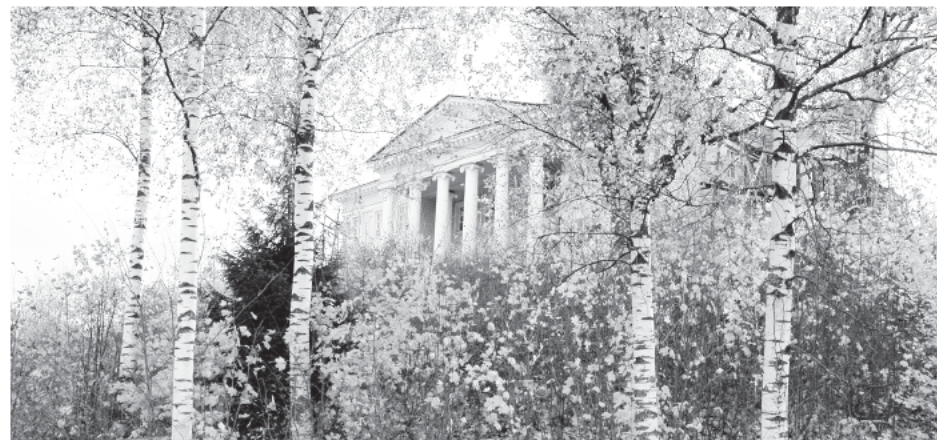
А Выра стала постоянным местом летнего отдыха для пятерых детей Набоковых, в том числе и Владимира. Усадьбу он вспоминал потом в романе «Машенька»: «Старый, зеленовато-серый деревянный дом, соединенный галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибающих черноземную пестроту куртин. В гостиной, где стояла белая мебель, и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мрамористые тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала в овальной раме и дагерротипы на стенах слушали, как оживало и звенело белое пианино».

Владеть этим пришлось недолго. После 1917 года в Батовской усадьбе был устроен местный клуб, в 1925 году дом сгорел. В Вырской мызе до Великой Отечественной войны был ветеринарный техникум, а в Рождественской усадьбе — общежитие этого техникума.

Во время войны территория была занята немцами, в Выре размещался штаб генерала Паулуса. В январе 1944 года при освобождении этой местности советскими войсками усадьба была сожжена.

Выжил только дом в Рождествене — построенный в александровские времена в своеобразном «италианском (палладиовом) вкусе». Его немцы пытались взорвать при отступлении, но это не удалось, хотя после войны и потребовался капитальный ремонт.

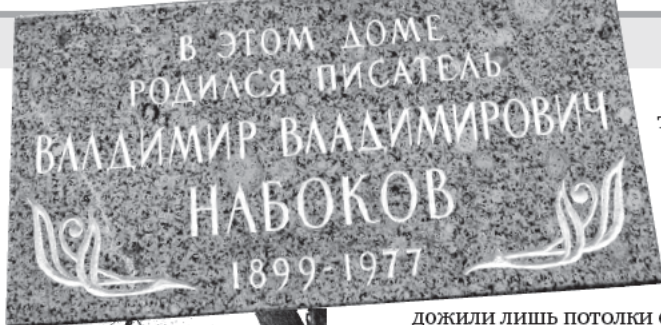
Потом особняк был переоборудован под школу. В 1974 году здесь открылся краеведческий музей, а в 1987 году — Рождественский историко-литературный и мемориальный музей Владимира Набокова (на фото).

«РОЛЛС-РОЙС» И ПЕНСНЕ

Первые воспоминания — там, под Петербургом. Однако еще до всякой памяти был сделан первый вздох. Это произошло в особняке по современному адресу: Большая Морская, 47.

Дом — «единственный в мире дом» для Набокова — стал собственностью семьи в 1897-м, также как приданое матери.

Дом был шикарен. Один из первых в Петербурге, где появились телефон, лифт и электрические звонки для прислуги. Набоков первым в столице купил «роллс-ройс» и очень гордился этим — потому что второй «роллс-ройс» был в гараже у самого императора.

Здесь же было проведено большинство заседаний Конституционно-демократической партии (отец, Владимир Дмитриевич, был одним из основателей и лидеров кадетов). В комнате, где шли заседания и находилась библиотека, до наших дней из интерьера

дожили лишь потолки орехового дерева.

Внутри вообще мало что осталось со времен семейной жизни Набоковых в этом доме. Время и история ничего не пощадили — кроме просторных интерьеров нескольких комнат на первом и втором этажах здания и старых витражей окон над пролетом лестницы, ведущей на третий этаж.

Здесь выставлены экспонаты: пиджак, ботинки, знаменитое пенсне — его подарил музею сын Набокова Дмитрий Владимирович.

Это пенсне — деталь писательского образа, в нем Набоков снят на многих сохранившихся фотографиях. Он говорил, что, когда идет по улице без пенсне, у него есть возможность, сославшись на плохое зрение, не здороваться с людьми, с которыми он здороваться не хочет.

Всю жизнь Набоков писал на маленьких карточках карандашом. Сын писателя привез в музей такие карточки и три карандаша, которыми была написана «Ада». Кембриджский университет, где учился Набоков, подарил музею одну из собранных им коллекций бабочек... Здесь около ста подлинных предметов.

Памятные вещи Набокова — карандаши, очки, игра «скрэбл» — стали музейными экспонатами... Конечно, нет ничего более отчужденного и враждебного памяти, чем экспонаты. Но эти вещи все-таки помнят, как юный Володя отправлялся отсюда в престижное Тенишевское училище, на Моховую улицу, 35.

В течение семи лет ежедневно шофер на красном автомобиле отца отвозит мальчика на занятия: от дома №47 по Морской, через Исаакиевскую площадь и далее с поворотом на Невский проспект, затем с поворотом на Караванную, мимо цирка Чинизелли, через Фонтанку по Симеоновскому мосту, мимо церкви Святых Симеона и Анны по Моховой до Тенишевского.

Училище считалось прогрессивным и либеральным. Известна история о том, как преподаватель литературы Владимир Гиппиус задал классу сочинение на тему «Лень». Набоков сдал пустой лист. И получил за этот арт-жест от Гиппиуса хорошую отметку.

Большая Морская, 47. Это единственный в мире дом, который Набоков считал своим.